

Д. Н. КАТЫШЕВА,

*профессор кафедры искусствоведения СПбГУП,
доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ,
член Союза театральных деятелей РФ, член Союза писателей РФ*

К ВОПРОСУ СЦЕНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Текст — доминанта культуры. Совокупность текстов, их создание, сохранение и передача следующим поколениям относится к сущностным, субстанциональным основам культуры, ее бытию. Книга, ее интерпретация в сценическом слове является важным импульсом в сохранении и передаче текста.

Интерпретация, истолкование смысловых ресурсов текста, овеществленная в определен-

ной сценической форме — спектакле, моноспектакле, театре двух актеров, сольная или коллективная композиция возможна при определенных условиях.

Обратимся к текстам классической литературы, драматургии. Существуют два типа отношения критика, режиссера, актера, студента к такого рода текстам. Первый — монологический. Текст принимается таким, каким

видится (либо отрицается). Оценочный принцип не позволяет вступить в диалогические отношения, судить по законам автора, которые он над собой устанавливает. К примеру, студент, трудясь над курсовой работой по теме «Сценические версии «Щелкунчика» П. Чайковского», принимает на веру критические негативные оценки сценической версии М. Шемякина и тем самым пасует перед текстом балета, не способный его понять. Или известное стихотворение А. Пушкина исполняется артистом с привычными шаблонными интонациями, тем самым его смысл затемняется, а не раскрываются его новые признаки. А между тем классика потому является классикой, что ее смысл равен бесконечности, и каждое поколение открывает для себя его новые грани, тем самым сохраняя живым текст, не делая его музейным экспонатом.

Одним из условий сценической интерпретации, способной донести смысловые ресурсы текста классического произведения, являются диалогические отношения. Именно диалог с текстом, в котором участвуют два сознания, обеспечивают его понимание. Одна из проблем современной режиссуры и шире — гуманитарного образования — необходимость выработать навыки видения и понимания автора текста, иную знаковую систему, другое сознание, обогатить тем самым свой духовный кругозор и результаты этого диалога передать зрителям. Только тогда возникает качество творчества, о котором писал Н. Бердяев: «Творчество есть всегда прирост, прибавление, создание нового, не бывшего в мире... Творчество человека предполагает три элемента: элемент свободы, благодаря которой и возможно творчество нового и небывшего, элемент дара и связанного с ним назначения, и элемент сотворенного уже мира, в котором и совершается творческий акт и в котором он берет себе материал».

В современной режиссуре преобладает необычайно гиперболизированный элемент свободы, новизны любой ценой, когда помимо смыслового стержня текста пьесы навязывается свое представление о ней — и в системе мотивировок действий, например, Хлестакова будут прослеживаться признаки психического заболевания и, как следствие, расстройства его сексуальной сферы. Это особенно непривычно для петербургской сцены, где школа режиссуры Г. Товстоногова, его театр во главу угла ставили стремление выразить смысл и эстетику авторского текста. Так рождались спектакли, необычайно волнующие современного зрителя. Ныне катарсис в театре не обаятелен. Удивлять любой ценой, для чего все средства хороши, даже недозволенные вроде ненормативной лексики в современной спектакле на сцене МХТ, в свое время созданном К. С. Станиславским, для которого идея художественности предполагала нравственный идеал, высокой пробы эстетические качества. Так культура и театр как носитель добра и подлинного искусства подменяются брутальной индустрией развлечения, которая не поднимает с колен нацию, а ставит ее на четвереньки.

Д. С. Лихачев видел пространство культуры в России не обширным материком, а островом в океане, говоря, что «ее немного», но именно она определяет будущее народа, его духовно-нравственные, эстетические ценности, его самоидентификацию, полноценную жизнь, освещенную идеалом.

Молодое поколение, заполняющее вузовские аудитории, сегодня особенно нуждается в философских, эстетических, художественных ориентирах, которые должно выработать, прилагая волю, инициативу в диалоге с текстами культуры, духовным потенциалом, накопленным человечеством.